

Андрей Гирько

Кремлевский Персифаль. В поисках
Копья

16+

Андрей Гирько

**Кремлевский Персифаль.
В поисках копья**

«Автор»

2020

Гирько А. А.

Кремлевский Персифаль. В поисках копья / А. А. Гирько —
«Автор», 2020

Редко кто устоит перед соблазном стать всемогущим и всемогущим.
Представьте, что у вас в руках артефакт, который может даровать все,
что угодно. Кем стать - богачом, президентом? А может быть, скромным
кладбищенским сторожем?

Андрей Гирько

Кремлевский Персифаль. В поисках копья

Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения – случайными. А кто себя узнал, тот сам виноват)))

Они стояли друг против друга. Два мужчины. Примерно одного возраста. Но, если спина одного под кашемировым пальто была прямая, как палка, а плечи бугрились мускулами, то спина и плечи другого под старенькой курткой были согнуты и давно утратили былую силу.

Прямая сильная спина и крепкие плечи нужны были первому, чтобы управлять страной. Спину и плечи второго согнула работа на ту же самую страну. Седая неухоженная борода и пронзительный взгляд из-под косматых бровей окончательно делали из него старика.

Холодный мартовский питерский ветер заставлял ежиться обоим.

– Добрый день, Андрей Федорович, – в своей, только ему присущей манере, которую пытались перенять многие, но ни у кого не получалось, сказал первый.

– Здравствуйте, – ответил Старик.

– Не будем долго ходить вокруг да около. Вы же знаете, зачем я приехал.

– Не будем. Напрасно приехали.

– Отдайте мне его.

– Нет. Не я это решаю. Пока не время.

– По-моему, самое время – 18-е марта через неделю.

– А у Вас что, есть сомнения?

– Нет, но хотелось бы подстраховаться...

Их встреча в марте 2018-го не была первой. Они встречались и раньше. Одна из встреч произошла почти за десять лет до этого.

Только недавно отгремели победоносные августовские залпы, которые так неоднозначно были восприняты в мире. Президент давал комментарии и принимал поздравления. А полковника Андрея Федоровича Петрова вызвали к Первому. К настоящему Первому, который, даже будучи номинально – вторым, оставался Первым.

Было самое обычное утро, когда Петрову позвонил лично Директор Службы:

– Собирайся, вызывают на самый верх, заберу тебя через сорок минут, – буркнул в трубку Директор.

Официально полковник Петров значился начальником скромного 13-го отдела управления материально-технического обеспечения Федеральной Службы. Эдакий один из многочисленных завхозов многочисленной и разветвленной организации, требующей на свое содержание уйму канцелярских принадлежностей, топлива, лопат для уборки снега и тому подобной амуниции.

Вот только получал 13-й отдел в отчет совсем не лопаты. Но еще интереснее было то, что в скромном отделе материально-технического обеспечения были оперативный и аналитический подотделы, а также свое экспертное подразделение. Да и укомплектован он был далеко не дворниками. Чего стоил один только капитан Бердов. Анатолий Дмитриевич Бердов – полный тезка и полная противоположность по внешности того самого А.Д. Бердова, который сейчас давал комментарии и принимал поздравления: высокий, с широченными плечами и пудовыми кулаками, он, как нельзя лучше, соответствовал своей фамилии. Знающие люди в шутку называли капитана Медведем в квадрате* (*Бер(идиш)-медведь, Дов(иврит)-медведь*).

Располагался отдел в неприметном здании без вывески в одном из переулков Старой Москвы, совсем рядом с Патриаршими прудами.

Захватив необходимые материалы и закрыв кабинет, полковник в назначенное время вышел на улицу. После приятной прохлады кондиционированного кабинета его моментально окутала густая августовская жара. В Москве было непривычно влажно, и Петров, одетый в легкий летний костюм, мысленно поблагодарил судьбу и руководство: первую за то, что служит не в Вооруженных Силах и не в МВД, а второе – за то, что в ведомстве не было обязательным ношение форменной одежды – нестерпимо жаркой летом и пронзительно холодной в настоящие зимние морозы.

Говорят, что длительная служба накладывает свой отпечаток и на характер, и на внешность человека. Несмотря на возраст и многолетний стаж работы, Петров внешне так и не стал похож на «человека в штатском». Глядя на него, можно было представить, что перед вами киноактер, преуспевающий западный журналист, но никак не кадровый офицер спецслужбы. Рост выше среднего, спортивное телосложение, открытый взгляд, прекрасные зубы, которые Петров никогда не стеснялся обнажать в улыбке, отличное чувство юмора, свободное владение тремя иностранными языками, а главное – абсолютное, иногда граничащее с откровенным диссидентством, свободомыслие...

Многие уверены, что свобода мысли и работа в спецслужбе – несовместимы. Но это далеко не так. Главным является человеческий фактор, эдакая роль личности в истории. Точнее, роль не абстрактной личности, а личности руководителя. Петрову с руководителями везло. Майор Рябов, курировавший ВУЗ, в котором обучался Петров, взял его на заметку еще на первом курсе. До перевода майор отслужил почти двадцать пять лет, из них десять – на нелегальном положении. Обычно, бывших нелегалов не используют на должностях, где они могут быть идентифицированы, как сотрудники спецслужбы. Для майора сделали исключение – человек заслуженный, но нервишки стали сдавать, вот пусть посидит в теплом месте, с детишками повозится. Конечно, был бы он чьим-то близким, могли и за валютным баром с такими же валютными барышнями в гостинице «Москва» поставить присматривать. Но майор был хоть и заслуженным, но «ничейным», поэтому влился в систему высшего образования. Официально его трудоустроили не в первый отдел, а заместителем начальника отдела кадров университета.

Майор задумался. Первый отдел университета был на хорошем счету в управлении, явных диссидентов ни среди преподавателей, ни среди студентов не было. Правда, появились так называемые «хиппи» – модное западное течение. Но и с ними боролись, как могли. Правда, могли довольно плоско и однообразно. Складывалось впечатление, что сотрудник, прикомандированный к ВУЗу до Рябова, служил ранее не в Комитете, а в райотделе милиции: работа ДНД налажена, план по приводам выполняется. Но, будучи настоящим оперативником до мозга костей, Рябов отлично понимал разницу между статистическим благополучием и реальной обстановкой. А реальных результатов как раз и не было. Получившие пятнадцать суток «хиппари» тут же становились героями среди определенной части студентов, их окружал ореол мученичества.

Майор был уже слишком стар, чтобы верить в коммунистические сказки. Как говорил один известный советский сатирик: пессимист-это информированный оптимист. Рябов был очень хорошо информирован. И единственное, что спасало его от кухонной критики коммунистического строя во время пьяных запоев, так это полное отсутствие последних. Майор давно и беззаветно не пил, еще со времен нелегальной работы, когда одна лишняя выпитая рюмка едва не стоила ему жизни.

Но он был и слишком умен, поэтому понимал, что рассказы хиппи о всеобщей любви-это такая же конфетная обертка, как и официальная идеология. А за ней зачастую – наркотики, прием которых является условием и средством «расширения сознания», необходимого для

обретения «вИдения», свободный секс, отсутствие каких-либо нравственных ориентиров и, как результат – духовная деградация.

Именно поэтому майор решил прокрутить оперативную комбинацию, целью которой было скомпрометировать сами принципы неформального движения. Дело было непростое, потому что, как ни странно, наиболее активные участники общины «хиппи», или как они называли сами – «системы», были детьми или внуками влиятельных людей. Поэтому требовалось согласование с центральным аппаратом Комитета госбезопасности. Там идею майора поддержали и дали понять, что, в случае успеха, поблажек никому из виновных не будет, а уж его самого в обиду не дадут.

Рябов по собственному опыту знал, как мало стоят подобные обещания: контора и в случае победы, и в случае поражения работала по принципу: наказали невиновных, наградили непричастных. Поэтому решил действовать крайне осторожно и только наверняка.

Знакомясь с личными делами студентов, он сразу обратил внимание на документы студента первого курса исторического факультета Андрея Петрова. До поступления в ВУЗ парень служил в разведоте 76-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, отличная успеваемость, занятия боксом, активная жизненная позиция. Но, если верить рапортам и служебным запискам предшественника, ярый антисоветчик, которому дорога, уж если не в тюрьму, то за ворота альма матер с «волчьим билетом», как минимум. А как иначе: в то время, когда весь прогрессивный народ борется с такими антисоветскими элементами, как «хиппи», «панки», комсомолец Петров, мало того, что не желает участвовать в милицейских рейдах по выявлению этих тунеядцев, так еще и дружит с некоторыми из них, а студентов-«дружинников» называет дуболомами.

Правда, был в рапорте один нюанс, который предшественник отразил, но внимания на него не обратил.

Петров, оскорбляя членов ДНД, утверждал, что победы над «неформалами» они не добьются, потому что методы их: «нашел-догнал-сдал в отделение», заранее обречены на провал. По его мнению, уж если бороться, то не запретами и приводами, а на уровне идеологий, предлагая молодежи «альтернативу «альтернативным течениям», а в идеале – используя их потенциал в своих целях.

Андрей вечером шел из спортзала. Он был зол, зол еще до прихода на тренировку. Так зол, что, потеряв контроль над собой, в тренировочном бою измолотил как грушу Илюху Изотова. А тому через две недели выступать на городских соревнованиях. Тренер выгнал его с ринга и поставил до конца занятия на скакалку, чтоб дурь вышла. Дурь вышла, а злость осталась. И причиной этой злости, была, конечно же, Машка. Его однокурсница, девчонка симпатичная, но без царя в голове. Машка Андрею нравилась и знала об этом. Но в силу своей природной беспечности и несерьезности относилась к его чувствам с иронией. А тут еще пару месяцев назад начала «тусить с хиппарями», нацепляла фенечек и вообще стала «клевой герлой». Поначалу Андрей не принял ее увлечение всерьез, тем более, что встречались они, как и раньше. Но со временем почувствовал, что Машка стала отдаляться от него, проводя все больше времени со своими новыми знакомцами. А сегодня, по пути на тренировку, он увидел ее на «Пушке» в обществе десятка таких же «хиппанутых» парней и девчонок. Среди парней выделялся один – лет двадцати пяти. Он смеялся, что-то говорил и говорил, а девки так и вились вокруг него. И Машка, его Машка смотрела на парня глазами влюбленной кошки. Андрей подошел, поздоровался. В ответ услышал нейтральное:

– Хай, мэн! – он был для них чужим, человеком не из их «системы».

Андрей отозвал девушку в сторону, хотел поговорить, но Машка нетерпеливо пританцовывала на месте и все время оглядывалась на компанию, а точнее на того парня.

– Маш, давай сходим сегодня в кино после тренировки, – Андрей безрезультатно пытался завладеть ее вниманием.

– Да ну, тухляк. Пипл на флэт зовут, вписка будет. Хочешь, приходи.

– Я прической не вышел, не люблю длинные волосы. А это кто, – Андрей взглядом указал на незнакомца.

– Ооо, это Юрочка. Наше Солнышко. Ладно, бай, – Машка махнула на прощание рукой и вернулась к компании. А Андрей, переполненный злостью, пошел на тренировку.

Несмотря на то, что на календаре было лишь пятое апреля, погода стояла довольно теплая, поэтому Андрей после тренировки решил пройтись пешком, чтобы заодно привести мысли в порядок и решить, как быть с Машкой. Когда он подходил к дому, его по имени окликнул мужчина, смутно показавшийся знакомым: средний рост, среднее телосложение, обычное, незапоминающееся лицо, серый неприметный плащ, такая же неприметная шляпа. Вот только глаза – цепкие и пронизательные, абсолютно не гармонировали с остальным обликом мужчины. И Андрей сразу вспомнил, где он видел этого человека – в институте. Тот работал то ли в отделе кадров, то ли в бухгалтерии. А еще он вспомнил, что такие же глаза были у армейского особиста, который допрашивал его, когда во время учений пропало полцинка патронов. Особист говорил тихо и вроде даже ласково, но смотрел таким взглядом, что хотелось сразу же признаться даже в том, чего не делал. Патроны, кстати, нашли у молоденького лейтенанта, которого особист увез с собой. Больше лейтенанта в части не видели. Поэтому Андрей сразу почему-то решил, что окликнувший его мужчина – сотрудник Комитета госбезопасности. У него была какая-то особенность, помогавшая распознавать людей. Взглянув даже на незнакомца, Андрей зачастую уже знал, кто он и что из себя представляет. Жаль, что особенность эта проявлялась не всякий раз, а когда ей, особенности, заблагорассудится. Поэтому, сколько не сверлил он взглядом нового Машкиного знакомого – Юру Солнышко, так ничего о нем и не узнал.

Мужчина подошел, поздоровался. Настроение у Андрея по-прежнему было отвратительное, поэтому он ответил дерзко:

– Добрый вечер. Чем могу быть полезен, товарищ чекист?

– Таких мгновенных провалов у меня еще не было, – мужчина улыбнулся. – Ну, что ж. Раз ты знаешь, кто я, давай расскажу, зачем я здесь. Сначала представлюсь. Зовут меня Николай Николаевич.

– Если вербовать собрались, так это сразу мимо: в разведчики бы пошел, а на ребят стучать не буду, – Андрей помнил, как в самом начале учебы его и еще четверых ребят с курса вызвал к себе сотрудник первого отдела университета: бесформенный, вечно потеющий мешок с одышкой. При этом даже не озаботился, чтоб хоть как-то залегендировать встречу. Просто вызвал всех на одно и то же время. Потом приглашал по одному в кабинет, где вел душевные беседы, а остальные ждали под дверью. Андрея вызвал предпоследним. Рассказывал ему о долге каждого советского гражданина проявлять бдительность и докладывать куда следует, а следует, конечно же лично ему, о всех подозрительных элементах. Взамен обещал всяческую помощь в учебе, рисовал радужные картины будущей безмятежной жизни под крылом всевидящего и всеильного куратора из Комитета. Короче, вербовал коряво и бездарно. Андрей твердо отказался, после чего выслушал стандартную нудную лекцию о том, что нужно хорошенько подумать и не пожалеть бы ему в конце концов об отказе сотрудничать, и был отпущен на все четыре стороны. В коридоре одиноко маялся последний претендент – Василий Гармаев, бурят, поступивший в университет по национальной квоте. Особо к знаниям он не стремился, но вынужден был жить в большом городе, который его тяготил, потому что так решил его отец – первый секретарь одного из райкомов Бурятской АССР.

– А если в разведчики? – Рябов улыбнулся. Он читал рапорт предшественника о неудачной вербовке Петрова, – пойдем поговорим, разведчик.

Юноша нехотя последовал за мужчиной. Прогуливаясь по аллее, майор продолжил прерванный разговор:

– В разведчики, да в герои, брат, всякий идти готов. А кто ж грязную работу делать будет? А если эта самая грязная работа для Родины нужна? Вот ты в разведке служил, на учениях стрелял в условного противника, часовых «снял». А смог бы взаправду человека убить? Или «языка» пытать?

– Врага убить или пытать, в крайнем случае, – это негуманно, но это же враг! И по законам военного времени по-другому просто нельзя! А здесь – товарищи по учебе, такие же советские парни, как я.

– А ты думаешь, что враг – это обязательно фашист с повязкой со свастикой на рукаве или американский солдат, который напалмом жжет мирных вьетнамцев? Нет, порой безобидный с виду старик, продающий секреты Родины, может принести больше вреда, чем парашютно-десантный полк противника.

– Это Вы на заведующего кафедрой намекаете, который за бутылку коньяка экзамены заочникам ставит? – повеселев, спросил Андрей.

– Ну, это немного не мой уровень. Пусть им товарищи из ОБХСС занимаются. Я в курсе методов работы моего предшественника. Сказать по правде, я их не разделяю. Для меня главное – результат работы, а не его видимость. И с тобой сегодняшний разговор веду не для того, чтобы каким-то образом склонить тебя к банальному «стукачеству». Желающих на эту роль предостаточно, поверь мне на слово. Я внимательно изучил твое личное дело, навел справки по месту службы, понаблюдал за тобой. И в твоём случае я смотрю на перспективу. Комитет заинтересован не только в сильных кадрах, но и в достойном кадровом резерве. Обычно, такие разговоры происходят со студентами старших курсов. Но ты – толковый парень. Поэтому, если не против, наши встречи будут повторяться. Конечно, на условиях конфиденциальности. Кстати, а как ты догадался, что я из Комитета, я даже не к первому отделу ВУЗа приписан.

– Глаза у Вас не бухгалтерские.

– Всего не предусмотреть и не скроешь. Ну, до встречи, – Николай Николаевич уже совсем было собрался уходить, но, как будто неожиданно что-то вспомнил, повернулся и сказал Андрею – Да, кстати. Девушка твоя, Маша, не с той компанией связалась. Ты бы присмотрелся к ним.

Вышло довольно фальшиво, и Андрей это почувствовал, но беспокойство за Машку пересилило все остальное, и он спросил:

– А что именно с этой компанией не так? Они, действительно, не такие, как все. Но, вроде бы, безобидные. За мир во всем мире, дружбу, любовь...

Майор понял, что правильно определил болезненную тему для собеседника, и парень попался на его приманку. Теперь главное было не вспугнуть его, не оттолкнуть от себя, а наоборот показать, что они на одной стороне.

– Да так, ничего конкретного. Ты правильно подметил – они не такие, как все. А вот чем подпитывается их особенность – это вопрос. Но ты береги ее, хорошая девушка. Да, запомни мой рабочий телефон, вдруг понадобится.

После встречи с Николаем Николаевичем тревога за Машку не отпускала Андрея. К тому же девушка, как назло, избегала встреч с ним, в университет приходила лишь на пары, а то и пропадала по несколько дней. Незадолго до майских праздников вообще исчезла на целую неделю. Никто из общих знакомых не мог сказать, где она. В местах обычных «тусовок» «хиппи» ее тоже не было. Неожиданно помог Гармаев, тот самый, с которым Андрея вызывали на вербовку. Бурят подошел к нему перед последней парой.

– Машу видел сегодня утром. В компании. В плохой компании. Все как пьяные были. Я земляка на поезд провожал, от вокзала шел, а они мне навстречу. Разминулись, как незнакомые вообще. Хочешь, пойдем покажу.

Андрей быстро забросил тетрадь с конспектами в сумку и потащил Гармаева к выходу. Бурят едва поспевал за ним. На метро они доехали до станции Комсомольской, поднялись

наверх, прошли мимо Ярославского вокзала с его причудливыми крышами в сторону Каланчевской улицы.

– Вот здесь я их видел. По Каланчевской пошли, – Гармаев постоял немного, растерянно оглядываясь вокруг, потом выбрал направление и решительно двинулся вперед, – нам туда!

Андрею не оставалось ничего другого, как пойти следом. Бурят шел уверенно, как будто охотничья собака, взявшая след зверя. Не доходя до здания Мещанского суда, они свернули влево, потом еще раз повернули, поплутали по дворам и вышли к одному из домов в Коптельском переулке. Зашли в первый подъезд, поднялись на второй этаж, Гармаев остановился у двери, обитой коричневым дерматином. В квартире слышался приглушенный шум. Андрей толкнул дверь, которая оказалась не заперта. Он вошел в квартиру, Гармаев шагнул следом. В нос ударил кислый запах, который бывает в коммуналках и общежитиях. Из кухни раздавался шум. Там Юра Солнышко вместе с еще одним парнем возились у стола. Увидев у незнакомого парня в руках шприц-тюбик с бесцветным колпачком, Андрей сразу понял, что здесь происходит. Он шагнул вперед и коротко, без замаха пробил Юре правый прямой в подбородок. Тот, как подкошенный, рухнул на пол. Второй парень резво отскочил к окну, перехватил шприц в левую руку, правой откуда-то вытащил нож. На кухне было тесно, в проходе между столом и гарнитуром без сознания лежал Юра. Пока Андрей соображал, как ему добраться до противника, Гармаев схватил стоявшую на холодильнике массивную хрустальную пепельницу с металлическим ободком и запустил ее в незнакомца. Пепельница угодила тому прямо в лоб. Парень охнул, выронил и нож, и шприц, осел на пол.

Обыскав квартиру, Андрей и Гармаев обнаружили в одной из комнат еще одного парня и двух девушек. Они уже успели уколоться и были не в себе. Машку они нашли в ванной. Она сидела в углу с остекленевшими глазами. Следов инъекций на руках не было, но на вопросы она не отвечала, на происходящее вообще никак не реагировала, тяжело дышала. Андрей метался по квартире, не зная, как помочь девушке, взгляд его упал на телефон, стоявший на столике в прихожей. Он по памяти набрал номер, который дал Николай Николаевич. После третьего гудка на другом конце провода сняли трубку.

– Аллю, Николай Николаевич, это Андрей, – юноша сбивчиво объяснил, что произошло и попросил помощи.

– Оставайтесь на месте, я сейчас все устрою. Девушку уложите, но не на спину, если будет остановка дыхания, делайте искусственное. И присмотрите, чтобы парни никуда не сбежали, к ним будет много вопросов.

Через непродолжительное время во дворе послышались сирены милицейской машины и «скорой». Еще через минуту в квартиру поднялись трое милиционеров в форме и люди в белых халатах. Один из милиционеров занялся Юрой и его товарищем, сержант пошел по соседним квартирам, чтобы пригласить понятых. Капитан стал осматривать квартиру. Медики пытались привести в чувства остальных «хиппи». Один из врачей сказал, что их необходимо срочно доставить в больницу. Андрей вместе с Гармаевым помогли вынести носилки с Машей, а «уколовшиеся» двое девушек и парень спустились во двор сами в сопровождении медиков. Во дворе, рядом с милицейским «УАЗиком» стояли две машины «Скорой помощи». Капитан, вышедший вслед за ними из подъезда, указал на одну из машин «Скорой помощи»:

– Грузите девушку в эту машину. И сами туда садитесь. В больнице вас уже ждут.

– Спасибо, – сказал Андрей, усаживаясь в автомобиль.

– Николая Николаевича благодарите, он всех на ноги поднял, – капитан улыбнулся и пошел к двери в подъезд.

«Скорая» сорвалась с места и помчалась с сиреной по улицам. Вот только доставили Машу не в обычную больницу, а в военный госпиталь на Щукинской, серая громадина которого напоминала трехлопастный авиационный винт. Машина въехала на территорию, и понеслась по узкой асфальтированной дорожке, обсаженной по бокам елями. Но не к главному

входу, украшенному стеклянными витражами, а к торцу одной из «лопастей», где уже ждали санитары с каталкой. Девушку сноровисто перегрузили на каталку, на которой увезли внутрь здания. К парням подошел один из санитаров, больше похожий на боксера-тяжеловеса, переодетшегося ради шутки в медицинский белый халат:

– Ребята, проходите, – сказал он тоном, не терпящим возражений, и легонько подтолкнул их ко входу в здание.

Как только Андрей и Гармаев вошли в здание, дверь за ними закрылась с характерным щелчком – сработал автоматический замок. Парни оказались в небольшом помещении без окон, дальнейший путь им преграждала дверь, застекленная матовым непрозрачным стеклом.

– Подождите пока здесь, – сказал санитар, указывая на стоящую у стены кушетку, и скрылся за дверью.

Андрей очень волновался, его потряхивало. Хотя он и не курил, но было такое чувство, что дай ему сейчас сигареты, выкурит полпачки. Переживая за Машу, он не мог оставаться на месте, ходил туда-сюда от двери до двери: четыре шага туда, четыре обратно. Гармаев, напротив, внешне был спокоен, сел, опершись спиной на выкрашенную синей краской стену, прикрыл слегка раскосые глаза. Так они провели почти два часа. Потом дверь, за которой ранее скрылся санитар, открылась. На пороге стоял Николай Николаевич. Поздоровавшись, он провел Андрея внутрь здания, а Гармаева попросил подождать.

– С Машей все в порядке, ей сделали все необходимые медицинские манипуляции. Врачи утверждают, что какой-либо опасности для ее жизни нет. Сейчас она спит. Тебе и Василию спасибо – окажись она в больнице на полчаса позже, смертельный исход был бы неизбежен. От меня вам отдельная благодарность. Помнишь, мы говорили о том, что новые знакомые Маши – не такие, как все, но не могли понять, на чем эта непохожесть основана. Сегодняшний день дал ответ на этот вопрос. Надеюсь, не нужно объяснять, что произошло там, на квартире?

– Да. Я все понял, когда шприц-тюбик с промедолом увидел. В армии на занятиях такие показывали. А откуда это у них?

– В том то и вопрос. Формально такие шприцы входят в состав индивидуальных аптечек, но помещаются в них только по специальному разрешению. А до получения такого разрешения хранятся отдельно и подлежат строгому учету. В квартире же был обнаружен не один и даже не пять шприцов. Теперь нужно узнать источник происхождения.

– Николай Николаевич, а Маша? У нее вроде не было следов уколов.

– Насчет Маши отдельный разговор. Сотрудники милиции допросили этого Юру по горячим следам. Он признался, что вместе со своим товарищем влили промедол девушке в спиртное. Хотели, мол, постепенно «подсадить» ее, но не рассчитали дозу препарата.

– И что теперь будет?

– С Машей? Ничего, ее «прокапают», побудет под врачебным наблюдением, потом выпишут. Она девушка не глупая, думаю, сделает правильные выводы из того, что произошло. В университет сообщать никто ничего не будет – я договорюсь. Но ей нужно будет дать показания следователю и выступить на суде.

– На суде?

– Конечно. Наркотики – серьезная вещь. Думаю, что «Солнышко» закатится на несколько лет в колонию. Кстати, а как вы нашли квартиру, в которой была Маша?

– Это Гармаев. Он видел Машу с компанией незадолго до этого. А потом как-то нашел и квартиру.

– Ну, хорошо. Давайте по домам, к Маше сегодня все равно не пустят, – Рябов перевел разговор на другую тему.

Попрощавшись с майором, Андрей вернулся к Гармаеву, и они вместе вышли из здания госпиталя. Несмотря на позднее время, было душно, чувствовалось приближение лета. Пока

шли до КПП по обсаженной елями дорожке, это не чувствовалось. Но как только вышли на Шукинскую улицу, жара, усталость и пережитые за день волнения дали о себе знать.

– Вась, может по пиву, – Андрей посмотрел с надеждой на Гармаева.

– Я не пью, – ответил тот.

– Да я тоже, вроде как боксер. Но сегодня день такой выдался, что не грех.

Гармаев на секунду задумался, сощурился и без того узкие глаза, и утвердительно кивнул головой.

Через десять минут они, взяв по паре кружек пива, уже стояли за круглым столиком в первой попавшейся пивной. Заведение было так себе-обычная «забегаловка», но на редкость чистое. За стойкой стояла дородная женщина лет сорока пяти, в белом свежем фартуке. Пару золотых перстней с камнями на пухлых пальцах, массивные золотые серьги в ушах и золотые же коронки лучше всяких слов говорили о том, что с материальной составляющей у работницы общепита все хорошо. А вот отсутствие обручального кольца и оценивающий взгляд, которым она осматривала посетителей, свидетельствовали о том, что на личном фронте не все так безоблачно.

Пиво было холодное, с плотным, чуть горьковатым вкусом. Андрей махом проглотил содержимое первой кружки. Гармаев же, наоборот, цедил потихоньку, то и дело ставя кружку на стол.

Взявшись за вторую кружку, Андрей спросил Гармаева:

– Слушай, а как ты узнал, в какой именно квартире находится Маша?

Тот помолчал, подумал о чем-то:

– Я же охотник, следопыт. Дома любого зверя найти могу.

– На асфальте следов не остается.

– Следы везде есть, главное – как искать, – неопределенно ответил Гармаев и больше, сколько его Андрей ни расспрашивал, к этой теме не возвращался.

Поняв, что больше ничего из собеседника вытянуть не удастся, Андрей оглянулся по сторонам. Несмотря на вечернее время, в пивной было немногочисленно: четверо парней, стоя за таким же круглым, как у них, «буфетным» столом, запивали пивом водку, которую втихаря разливали в пивные кружки. Бутылку водки один из парней прятал в рукаве. Он по-птичьему вертел головой, то и дело оглядываясь на угол, где, сидя за обычным столом, о чем-то вполголоса разговаривали двое мужчин среднего возраста. Перед каждым из них стояло по кружке пива, но они к спиртному почти не прикасались. Заметив интерес со стороны Андрея, мужчины вообще прервали свой и без того тихий разговор. Сидевший к Андрею спиной широкоплечий, с толстой борцовской шеей, обернулся, посмотрел на него в упор тяжелым, немигающим взглядом, и начал приподниматься со своего места. Но, тот, что сидел напротив, сказал что-то вполголоса, засмеялся, обнажив золотые зубы, положил руку ему на плечо, и «борец» опустился на стул. А золотозубый весело подмигнул Андрею, и мужчины, как ни в чем ни бывало, продолжили свой разговор.

А вот у Андрея с Гармаевым разговор не клеился. У Андрея было слишком много вопросов к буряту, но тот словно не замечал интереса товарища. Поэтому они молча допили пиво, и Гармаев ушел. Андрей остался, взял еще кружку и не спеша пил пиво, вспоминая события прошедшего дня. Мысли все время возвращались к Маше. Он уже собирался уходить, когда между молодыми людьми за соседним столиком возник конфликт. Один из них сначала стал громко кричать на своих собутыльников, а потом плеснул в лицо тому, кто из рукава разливал водку, содержимое своей кружки. Пенная жидкость веером разлетелась по небольшому залу. Несколько капель попало Андрею на рукав куртки. Он брезгливо поморщился. Настроение было и так паршивое, поэтому молодой человек, обращаясь в адрес «виновника торжества» резко сказал:

– Напился, так веди себя прилично, а не как свинья!

– Ты чё там вякнул, фраер? Да я тебя щас рвать буду, – Дебошир сбросил с плеч пиджак: в глубоком вырезе несвежей майки-«алкоголички» мелькнули синие татуировки.

Он сделал пару шагов в сторону Андрея, отвлекая внимание, протянул левую руку с состроенными «козой» пальцами к лицу обидчика, правую сжал в кулак для удара. Но больше ничего не успел: Андрей второй раз за день отправил человека в нокаут прямым правым в подбородок. «Блатной» с грохотом, но очень аккуратно рухнул между столами. Его собутыльники на секунду застыли от неожиданности, а потом двинулись в сторону Андрея, готовясь напасть на него. Тот, которого «блатной» облил пивом, резким движением разбил бутылку из-под водки о подоконник и тоже приближался к Андрею, перехватывая бутылочное горлышко с острыми краями – «розочку», из одной руки в другую. Вдруг за спинами нападающих бесшумно возник «борец» из-за углового столика. Своими огромными ручищами он обхватил головы двоих парней и стукнул их друг об друга с такой силой, что те без сознания рухнули на пол. Затем повернулся к третьему, и левой рукой поймал на лету «розочку», которую тот как раз перебрасывал из левой руки в правую. Правой рукой «борец» схватил парня за кадык. Чуть сжал пальцы, противник тут же обмяк и упал бы, но «борец» не дал ему этого сделать:

– Вы чьих будете? – неожиданно мягким голосом спросил он своего пленника. Тот молчал и только пучил глаза.

– Говори, паскуда, кадык вырву! – «борец» и вправду сильнее сжал пальцы.

– Из Иваново мы, отпусти, задушишь...

– Кого из людей знаете, к кому приехали? – «борец» легко, как соломенное чучело стал приподнимать парня вверх.

– Проездом, проездом мы, – парень задергал ногами в воздухе и судорожно вцепился в держащую его за горло руку.

«Борец» внимательно осмотрел кисти его рук, рванул ворот рубахи так, что пуговицы дождем посыпались на пол, увидел под одеждой татуировку, хмыкнул. Отбросил парня, тот мешком свалился в угол зала, где и затих до поры, до времени. А «борец» так же обстоятельно осмотрел других нападавших, опять хмыкнул. После чего сказал, обернувшись к своему товарищу:

– Бакланы, да к тому же залетные.

– Голуба моя, – с напускной нежностью в голосе сказал «золотозубый» сидящему в углу, – Ты чего ж это балуешься?! А ну-ка возместил ущерб заведению, забрал своих товарищей, и пулей отсюда. – Парень стал торопливо выворачивать карманы в поисках денег.

– Клара Михална, получите за хлопоты, а нам пора. Какой вечер испортили! – «золотозубый» взглянул на Андрея – А парень то с душком оказался! Пойдем с нами, молодой.

Втроем они вышли из пивной. Стемнело, теплый весенний вечер вступил в свои права.

– Какие погоды нынче стоят, – дурачась начал «золотозубый», – А не продолжить ли нам наше приятное знакомство в еще более приятном месте?

Андрей не успел ответить, как к ним, запыхавшись, подбежал мальчишка лет тринадцати:

– Тихий, на Марьиной Роще Слепой...

– Тсс, ну что ты кричишь, – перебил подростка «золотозубый», – забыл, что ли?! Георгий Константинович я, как товарищ Жуков, маршал Победы. А это Дмитрий... Медведь, как тебя по отчеству?

– Иванович, – буркнул «борец».

– Вот, Дмитрий Иванович, значит, как Менделеев, великий русский химик. А то Тихий, Слепой. Напугаешь еще нашего нового знакомого. Вас, молодой человек, кстати, как звать-величать?

– Андрей.

– О! Как одного из апостолов! Тоже запомнить легко. Ну вот и познакомились. Нам с Дмитрием Ивановичем необходимо отбыть по крайне важному делу. А коли будет у Вас нужда

либо желание продолжить наше общение – милости просим: каждую среду вечером мы в данном прекрасном заведении обретаемся, – церемонно выразился Тихий, потом сменил тон, – Медведь, поймай мотор, люди ждут. А Вам, Андрей, до скорого.

Через неделю Машку выписали из больницы. Николай Николаевич сообщил время выписки, и Андрей приехал встречать ее. Увидел, и чуть не расплакался от жалости. Машка и так была худющая, а тут вообще одни глаза остались. На половину лица, печальные. Увидела Андрея, разрыдалась, прижалась к нему. Андрей по такому поводу взял такси. Всю дорогу до ее дома Машка говорила о том, какая она дура, и почему не ценила его отношения и заботы о ней. Жизнь входила в привычное русло.

А на завтра. Назавтра все рухнуло.

Наступили последние майские выходные. В субботу занятий в университете не было, и они с Машкой договорились пойти погулять в Парке Горького. Андрей прождал девушку три часа в условленном месте – возле правого пилона главного входа. За это время мимо него в парк прошли тысячи счастливых людей, но Маши среди них, к сожалению, не было.

Когда Андрей, полный нехороших предчувствий, так и не дождавшись девушки в Парке Горького, вечером пришел к ней домой, Маша сама открыла ему дверь. Зареванная, всклокоченная, посмотрела на него невидящими и одновременно ненавидящими глазами.

– Убирайся, не хочу тебя видеть.

– Маш, – Андрей непонимающе уставился на нее.

– Как ты мог?! Он – настоящий человек! А ты?! Предатель!! – выпалив все это Андрею в лицо, Маша захлопнула дверь. И больше ни на звонки, ни на стук не отвечала.

Все воскресенье Андрей провел в попытках увидеться с Машей или хотя бы узнать причину такой резкой смены настроения девушки. Безрезультатно.

Выяснилось все на следующий день, в понедельник. Андрей тщетно искал Машу с утра в университете, девушка на консультации перед сессией не пришла. Он встретил ее после занятий и не одну, а в компании «хиппи». Всего их было десятка полтора, и парни, и девчонки. И среди них выделялся все тот же Юра «Солнышко». Андрей глазам своим не поверил, ведь по словам Николая Николаевича тот должен был быть в тюрьме. Подойдя поближе, молодой человек понял, что не ошибся. Юра тоже увидел его, ни на миг не смутился, а наоборот громко воскликнул:

– А, вот он наш герой! – «хиппи» оглянулись и с интересом уставились на чужака. Маша вышла вперед и демонстративно взяла «Солнышко» под руку. Андрей рванулся вперед.

– Что, опять морду мне бить будешь? – усмехаясь, спросил Юра, – конечно, это же единственный довод, который доступен тебе и таким как ты! А, нет, еще наркотики можно подбросить!

Андрей остолбенел:

– Ты что несешь, что подбросить, у тебя там этого добра было вагон и маленькая тележка!

– Ты у друзей своих из Комитета спроси, как это делается. Как там зовут твоего покровителя – Николай Николаевич, кажется. Он тебе объяснит, как и для чего это делается. Но не на того напали! Гоу, пипл. Завтра великий день! Защитим детей во всем мире!

Компания «хиппи» скрылась, а Андрей стоял посреди тротуара, бледный и злой. Решившись, он круто повернулся на каблуках и быстро зашагал назад, в сторону университета.

Рванул дверь и без стука вошел в кабинет заместителя начальника отдела кадров. Николай Николаевич сидел за столом и что-то писал на листе белой нелинованной бумаги. Рядом, в пепельнице дымилась сигарета. Подняв глаза на шум, увидел Андрея, тяжело вздохнул, перевернул лист, на котором писал, чистой стороной кверху. Молодой человек без приглашения прошел к столу. Когда Рябов потянулся к сигарете, Андрей резким движением затушил ее о дно пепельницы, зло сказал:

– Объясните, что произошло, – и уставился сверху вниз на сидящего за столом майора, буравя его взглядом. Тот потер левой рукой лоб и, не глядя Андрею в глаза, сказал бесцветным голосом:

– Андрей, не лезь в это дело. Там все очень серьезно.

– Юра мне все рассказал. Как Вы могли... – юноша не успел закончить фразу.

– Товарищ студент, покиньте служебное помещение, – вдруг рявкнул майор.

Когда за Андреем захлопнулась дверь, Рябов вновь перевернул лист, на котором писал, и продолжил:

«... был завербован один из лидеров неформального молодежного движения «хиппи», т.н. «системы» – Юрий Александрович Огородников, известный среди «хиппи» как Юра «Солнышко». Условием вербовки стало освобождение Огородникова от уголовной ответственности за причастность к незаконному обороту наркотических средств. Со слов Огородникова стало известно, что на 1 июня 1971 года запланирована акция «хиппи», приуроченная ко дню защиты детей. Предлагаю через Огородникова, который пользуется авторитетом среди «хиппи», назначить сбор участников акции возле здания МГУ, якобы, для дальнейшего движения к посольству США. После сбора участников принять меры к их задержанию. По итогам операции допустить контролируемую утечку информации о причастности к задержанию гр. Огородникова, чтобы тем самым скомпрометировать его в глазах активных участников «системы».

Закончив писать, майор перечитал написанное, спрятал листок в папку, еще раз тяжело вздохнул, и начал собираться. Ему сегодня предстояло еще очень много дел. Нужно было доложить руководству о планируемой акции, разработать план задержания ее активных участников, согласовать его с представителями МВД, силами которого и будут произведены задержания.

Поздним вечером план был разработан, утвержден руководством и согласован со всеми заинтересованными ведомствами. Начальник управления, провожая Рябова до двери своего кабинета, пожал ему на прощание руку:

– Ну вот, Николай Николаевич. Рано нас, ветеранов, на покой отправлять. Вон какой пласт поднимем! Тут можно и о госнаграде речь вести!

«Мы пахали, я и трактор» пришла на ум Рябову известная поговорка.

Майор, работая в КГБ, давным-давно научился не испытывать угрызений совести. Но в этот раз он чувствовал, что поступил с Петровым неправильно. Поэтому, несмотря на позднее время, он поехал не к себе, а к дому, где жил Андрей. Поднялся на третий этаж, позвонил в дверь. После нескольких минут тишины дверь открыл заспанный мужчина, видимо, отец Андрея.

– Здравствуйте. Сына позовите, пожалуйста.

– Какого? – непонимающе спросил открывший дверь мужчина.

– Андрея, – Рябов совсем выпустил из вида, что у Андрея есть младший брат.

– Подождите, – мужчина скрылся в квартире.

– Зачем Вы пришли? Все, что могли испортить, Вы уже испортили. – Андрей был настроен враждебно и не скрывал этого.

– Завтра «хиппи» собираются возле истфака университета на демонстрацию. Если Маша тебе действительно дорога, не дай ей туда пойти. – не здороваясь, Рябов выдал эту фразу и, не прощаясь, ушел.

Андрей озадаченно посмотрел ему вслед: «Неужели снова какая-то подлянка со стороны Николая Николаевича? Ну, нет, вроде выглядел вполне искренним и взволнованным». Мозг усиленно работал, мысли всплывали в голове одна за другой. Хорошо, пусть то, что сказал мужчина – правда. Тогда Маше действительно угрожает какая-то опасность. Но как не допустить, чтобы она пошла на эту демонстрацию? Мчаться к ней прямо сейчас домой – не факт, что она там, да и послушает ли его после всего, что было. В конце концов решил перехватить Машу рано утром возле университета.

К пятаку, возле университета, где обычно «тусили» «хиппи», Андрей пришел чуть ли не за темно. Часам к 9 стали подтягиваться и сами «неформалы». Машка явилась одной из первых. Увидев ее, Андрей облегченно вздохнул. Во-первых, «хиппарей» на пятаке было еще не очень много, да и Маша пришла одна. Поэтому, в случае конфликта, шансы увести ее отсюда насильно были вполне реальные.

Маша стояла спиной к нему в компании еще двух девчонок и одного парня. Парень был высоким худосочным очкариком.

Андрей подошел, молча схватил Машу за руку и потащил ее прочь от компании. Она брыкалась и сопротивлялась, девчонки визжали, парень пытался возмущаться. Андрей, как мог быстро, не оглядываясь, тащил девушку мимо новогодней пихты в сторону Ломоносовского проспекта. Он еще удивился, почему никто не пытался прийти Маше на помощь. Разгадка была проста: оглянувшись наконец на брыкающуюся девушку, Андрей увидел, что сзади, прикрывая их от «хиппи», идут трое парней, по виду бурятов, с Гармаевым во главе, который кивнул Андрею. На рукаве у Гармаева почему-то была туго повязана красная повязка с четкой белой надписью: «ДНД». Как только они перешли проезжую часть, с обеих сторон Ломоносовского проспекта послышались звуки приближающихся сирен милицейских автомобилей. А навстречу им, со стороны Дворового корпуса группами по пять-шесть человек бежали крепкие молодые парни с такими же, как у Гармаева, повязками народных дружинников на рукавах.

– Что, уже начали? – обращаясь к нему, спросил один из встречных парней.

– Да, давайте быстрее, – ответил вместо Андрея Гармаев.

Ближе к ботаническому саду Гармаев с друзьями отстали. Было понятно, что всех «хиппи», пришедших на демонстрацию, задержала милиция. Андрей хотел поговорить с девушкой, объяснить ей, что никакого отношения к этому не имеет, но она и слушать ничего не хотела. Просто развернулась и ушла, когда он отпустил ее руку.

По результатам успешно проведенной операции по разобращению неформальной группы молодежи майору Рябову было присвоено звание подполковника, и он получил назначение на должность начальника одного из отделов центрального аппарата Комитета.

Андрей с Машей так и не помирились. Жизнь его продолжалась, словно «на автомате». На четвертом курсе он снова встретил Медведя и Тихого.

Дело было так. Андрей поздно вечером возвращался домой после посиделок у одного из однокурсников. Жил тот далеко. Транспорт уже не ходил, денег на такси не было. Молодой человек устал и решил, чтоб хоть как-то сократить путь, пройти дворами. Он шел, насвистывая и думая о чем-то своем. Как вдруг услышал сдавленный крик и шум, похожий на шум борьбы. Андрей пошел на звук, и через пару десятков шагов в лунном свете увидел огромную фигуру человека, отбивавшегося от нескольких нападавших. Те набрасывались на него сразу со всех сторон, висли на руках, пытались свалить, но им это не удавалось. Борьба шла почти в полной тишине. Мужчина раз за разом разбрасывал нападавших, двое уже не вставали с земли. Но и у обороняющегося силы явно убывали. Вдруг один из нападавших, зашел ему за спину и резко с шумом выдохнув, нанес удар то ли палкой, то ли обрезком трубы по затылку. Мужчина качнулся, сделал шаг в сторону и упал. Оставшиеся на ногах нападавшие стали бить упавшего, кто чем. Андрей бросился вперед, используя эффект неожиданности, нанес несколько ударов руками и ногами. Еще двое мужчин рухнули на землю и не спешили вставать. Нападавших осталось трое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.